

В первых числах апреля освобождается Урал из ледового плена. Сперва темнеет лёд возле берега, появляются узкие проталины, в которых чернеет вода, она пахнет морозной свежестью и весной.

Лес за рекой ещё в сугробах и словно замер в ожидании, по тальным дорожкам гуляет праздная публика, молодые мамы с колясками, на лыжне колготятся студенты и школьники — запоздало сдают зачёты по физкультуре.

В городских парках вовсю хозяйничают грачи — кормятся, обустриваются, совсем не обращая внимания на людей. Мальчишки, презрев опасность свалиться, приколачивают на деревья и крыши домов шесты со скворечниками, и считается счастливым знаком, удачей,

* Глава из повести «Формула счастья», Оренбург, ООО «Агентство «Пресса» 2014

если птаха примет приглашение и поселится.

Никто и никогда точно не скажет, в какой день и час начнётся ледоход, но всегда его воспринимают как большое и радостное событие. По улице, ведущей к реке, перекрывая движение транспорта, тянется народ, и нет ни одного грустного, задумчивого лица. Город и люди словно помолодели, словно улыбнулись чему-то, да так и забыли стереть с лиц улыбки.

На бульваре к парапету и полукружью недавно построенного спуска к Уралу сразу не подступиться — часами не надоедает смотреть на величавое и неспешное движение воды и ледяных островков. Льдины плывут, громоздятся друг на друга возле невидимых глазу заторов, потом рассыпаются и вновь спешат к югу, к теплу, спешат насытить вешней водой наскучавшую за зиму реку. И в половодье не иссякает людской поток, так и тянет всех к Уралу. По колено в воде стоят столетние осокори на другом берегу, садоводы ждут не дождутся, когда спадёт вода и можно будет торить дорожки на дачи, рыбаки готовят снасти, мечтая об удачных поклёвках. Весь город воспринимает ледоход и половодье как долгий и щедрый на улыбки праздник, почему-то не замечаемый официальными властями. Наверное, на те дни признаний в любви выпадает

несоизмеримо больше, чем за все выюжные зимние месяцы.

Наша спокойная и размеренная жизнь закончилась, забурлила, как вода в половодье, события громоздились одно на другое, как льдинки возле препятствий. Игорь, отработав положенный год на заводе, поступил в пединститут и, кажется, попал в десятку: очень увлёкся будущей профессией, как раньше, в мечтах, опасными и дальними морскими путешествиями и теперь не уставал повторять нам: «Что ни говорите, парни, а учитель — наиглавнейшая профессия на земле». Наверное, Игорь спал и видел себя известным на всю страну учителем в окружении бывших воспитанников — космонавтов, учёных, политиков высокого ранга. Мы соглашались с его словами, разговоры о значении учителя в судьбе каждого из нас поддерживали, справедливо полагая, что Игорю с его восторженно-книжным восприятием жизни и полным отсутствием практической сметки только с подростками и работать, здесь-то и найдёт он своё призвание. К тому же Игорю сразу дали стипендию, а дома лишних денег никогда не водилось, и он переживал: «Если стипендию не дадут, придётся всё бросить и идти работать на завод, мать же меня не прокормит», а какой к чёрту из него слесарь или токарь?

Женьку совершенно неожиданно пригласили принять

участие в выставке работ молодых художников области, две его картины получили одобрение, в газетной рецензии их отметили скупой похвалой. Он учился в последнем, выпускном классе, в свободное время разрисовывал витрины и окна продовольственных магазинов, писал плакаты, оформлял стенгазеты. Не густо и не часто, но что-то Женьке перепало, тем паче, что весь этот антураж требовался к праздникам и приработок оказывался всегда кстати.

А с Димкой вышла вовсе занятная история. Больших жизненных планов он, казалось, не строил или же скрывал от нас, но по настоянию старших братьев подал заявление на вечернее отделение машиностроительного техникума — всё ж верный кусок хлеба, как они ему говорили. Потребовалась характеристика и зав. мастерскими, где Димка работал, дал ему не самую лестную: дескать, исполнительен и не ленив, но пассивный парень, не проявляет интереса к технике, к профессии. Димка обиделся.

Несколько вечеров он безвылазно сидел дома, писал, чертил схемы и делал расчёты, а через неделю подал сразу несколько рацпредложений, да таких, что главный механик ахнул: «Голова!». Димке выплатили премию и предложили перейти на работу слесарем на завод по ремонту путевых машин. Поступать в техникум его отговорил директор

завода: «Заканчивай свою ШРМ, а проявишь и здесь смекалку — отправим учиться за счёт производства в институт инженеров железнодорожного транспорта. На выбор: или в Ленинград, или в Новосибирск». Оказалось, что его рацпредложения оценили даже в отделении дороги. Ну а я к тому времени учился на четвёртом курсе техникума, получал стипендию, в летние месяцы мы проходили практику, занимаясь съёмкой местности в разных районах области и получали зарплату, правда, мизерную. После денежной реформы 1961 года жить стало труднее, немногим лучше, чем в первые послевоенные годы. Даже квалифицированные кадровые рабочие экономили на обедах, что уж было говорить о нас. Странно: по газетным репортажам всего производили с каждым годом всё больше и больше, а на деле — перебои с продуктами, ширпотребом, иногда из свободной продажи напрочь исчезали сигареты, любимый многими «Беломор».

В те годы не говорили: «купил костюм», в обиходе было: «справил костюм», словно речь шла о свадьбе или новоселье. В городе было двое портных, которые умели перелицовывать костюмы, и к ним была очередь, обращалось и начальство разного уровня, и партработники средней руки. Милиция портных не трогала, а в то время могли и посадить за «левые»,

неучтённые доходы. Экономить приходилось на всём, родители в струнку тянулись, чтобы одеть и накормить семьи, и веселья и смеха в нашем доме и дворике заметно поубавилось.

Безденежье, которое лет семь-десять назад мы никак не ощущали (краюхи хлеба — «корябы» по нашему, вполне хватало на целый день и без разницы было, какая на тебе рубашка), теперь изнуряло и нас, особенно Женьку, который не мог купить хорошие кисти и краски. Как-то он сказал с нескрываемой злостью: «Нам постоянно внушают, что бедность не порок, а скорее наоборот — благо, и если человек богат, то обязательно какой-нибудь гад, обязательно с червоточинкой. Может, и так. Но сколько из-за безденежья, нищеты загублено судеб, сколько пропадает талантов! Человек мечтает стать врачом или архитектором, а вынужден пахать на стройке, потому что жрать нечего. Бывает ведь: уйдёт человек на пенсию и вдруг начинает создавать что-то прекрасное. Недавно к нам в училище пришёл один дедок, принёс несколько своих акварелей, так мы ахнули: нашим преподавателям у него бы поучиться!»

Что было возразить? Хотелось получше одеться, помочь родителям, да и скучновато нам стало одним отмечать праздники, приглашали девчонок. А компанию нам составляли подруги Ольги — девчонки, с которой

встречался Димка. Раньше студентов (Ольга заканчивала кооперативный техникум) и молодых рабочих тысячами отправляли в помощь сельчанам на уборку урожая. В колхозе они и познакомились, и Ольга сразу потянулась к Димке, словно подсолнух к солнышку, а вот он её вниманием не баловал. Жила Ольга на противоположном конце города и промиловавшись с ней допоздна, когда уже и троллейбусы не ходили, Димка пешком, а скорее бегом преодолевал километров пятнадцать до дома, что, согласитесь, требовало немалого мужества. Вот с Ольгиными подругами компанией в восемь-десять человек мы и отмечали Первомай, Новый год, но серьёзных отношений между нами не складывалось. Пригласить Ленку никто бы из нас не посмел, да мы со стыда сгорели бы за наш убогий праздничный стол; постеснялись бы и Альке предложить бокал вина и не знали, чем объяснить нашу скованность при встречах с ними — девчонками, которых знали с детских лет. Собирались чаще всего у Женьки, так как его мама на праздники почти всегда уезжала в ближайший райцентр, где жила её сестра с мужем.

Женька очень любил свою маму и доверял ей некоторые наши тайны. Другому мы бы этого не простили, а Женьку даже не ругали, потому что и сами очень уважали и любили Татьяну Павловну. Она обладала

врождённой деликатностью и глубокой внутренней культурой, разговаривать с ней было одно удовольствие, правда, приходилось тщательно подбирать слова: сказать при ней что-либо из уличного сленга было совершенно невозможно.

Выглядела Татьяна Павловна очень молодо, фигурой походила на старшеклассницу и, наверное, многие мужчины по ней вздыхали, но строг и печален был её взгляд, а лёгкий флирт с такой женщиной вовсе был невозможен. Правда, глаза её теплели, когда она смотрела на Женьку, разговаривала с нами или рассказывала (всегда, словно ненароком, словно только-только вспомнила) что-либо занятное и малоизвестное из жизни великих людей или о культуре и обычаях других стран и народов. По общему мнению, мы иногда за пять-десять минут узнавали от неё больше интересного, чем за неделю занятий в школе или техникуме. Работала Женькина мама в областной филармонии, иногда приносила нам контрамарки на концерты, покупала на всех нас билеты в театр. На эти культурные мероприятия нам с Игорем даже одеть было нечего, но обходились: брали пиджаки у знакомых ребят.

Нищета так и лезла во все щели, а вот строить стали значительно больше. Впервые за многие десятилетия начали возводить на окраинах города сразу

по нескольку домов. Мальчишки специально ездили на новостройки, смотрели на бетонные коробки, на башенные краны, как на заморское чудо. Спустя несколько десятилетий многие стали кривить губы, глядя на одинаковые, как валенки, пятиэтажки, презрительно именуя их «хрущобами», а что было делать в те годы? Строить комфортное, по индивидуальным проектам жильё — по дому в год? А тогда дома сдавали десятками, тысячи людей переезжали из подвалов, полуподвалов и иных строений, которые жильём-то можно было назвать лишь при наличии богатой фантазии, в новые, со множеством недоделок, но с ванной, горячей водой и телефоном собственные квартиры. До этого никто и сказать не мог: «Получил квартиру», — «дали комнату» — вот и всё, чем могли гордиться новосёлы. Теперь же тех, кому вручали ключи от новых квартир, можно было узнать по счастливым лицам, а по цвету грязи на сапогах (в другой обуви в новых микрорайонах было не пройти) определить и место проживания: красная глина — Восточный посёлок, белёсая — Заречье. Докатались радостные события и до нашего дома: в двадцатых числах октября вручили ключи от новеньких квартир (а ордера обещали выдать в торжественной обстановке, в канун главного политического праздника страны — 7 ноября)

отцу Димки и родителям братьев Фадеевых — Кольки и Сашки. Старший — Колька, только что демобилизовался из армии, Сашка был моложе нас года на два и потому мы не очень-то дружили, но относились к ним уважительно: оба были не по возрасту серьёзные, совестливые и надёжные в любом деле ребята. Про Димку и говорить нечего: рады были за него донельзя, хотя переезжали они в самый дальний конец города, где с транспортом были большие проблемы и в автобусы набивалось столько народу, что они становились круглыми и словно не ехали, а катились, обиженно урча, по ухабам улиц, которым ещё и названия не успели придумать, и, стало быть, встречаться столь часто мы уже не сможем. Провожали их едва ли не всем домом, почти все, кто не был на работе, считали своим долгом подойти хотя бы на минутку-другую, поздравить.

Соседки смачно целовали детей и женщин, некоторые из них вытирали платочками повлажневшие вдруг глаза. Неудивительно: за десятилетия, прожитые бок о бок, попривыкли друг к другу, сдружились, потому и получились расставание со слезинкой.

Конечно же, многие завидовали, кто по-хорошему, кто с досадой, может, и со злобинкой: «Им-то вот выпало счастье, а когда же до нас дойдёт очередь?» Но помогали новосёлам кто как мог: женщины укладывали в

коробки одежду, половики и прочие тряпки, бережно заворачивали в газеты фужеры, чашки и тарелки; мужчины осторожно, опасаясь, что развалятся, таскали неуклюжие шкафы, комоды и не переставали удивляться, сколь много скарба оказалось в более чем скромно обставленных комнатах.

Несколько человек — самые лёгкие на подъём, поехали городским транспортом по новым адресам — посмотреть квартиры, помочь обустроиться и попоходному, на скорую руку организовав стол, sprysnut' столь великое событие.

А часам к пяти вечера, как и договорились, с одобрения родителей, во двор вернулись Димка и братья Фадеевы. Тащили, согнувшись от тяжести, сумки с вином и домашней снедью. Очень кстати оказался старенький теннисный стол, через несколько минут он весь был заставлен банками, тарелками и стаканами, бутылками с домашним ядрёным квасом. Вино и пару бутылок водки, стесняясь, прикрывали газетами. В начале всего-то человек десять-двенадцать стояли возле стола, а через час уже и подступиться к нему было трудно. Пришли добродушный и сильный, мечтавший стать офицером-десантником Вовка Митрофанов, забияка и драчун Борька Батурин по кличке «Бармалей», Славка Ильин со своим закадычным дружкой Вовкой

Пушкарёвым, болезненный и стеснительный Мишка Бейлин по прозвищу «Моцарт» — родители с детских лет заставляли его учиться играть на пианино, нагловатый и потому не особо приличаемый нами Олежка Самарин, Димкины одноклассники, Вовка Рязанов и Асхат Биклиев, да разве всех назовёшь? Разом, словно сговорились, пришли Ленка, Иринка и Галка-маленькая, Сонька Фахретдинова, чуть позже, к всеобщей радости, приехала Алька — Наташа Беляева.

Поначалу не очень-то клеился разговор, вспыхивал и затухал, как костёр во время дождя, но с приходом девчонок все как-то встрепенулись и повеселели, да ещё вдруг Алька выступила с целой речью:

— Вы что, мальчишки, носы повесили? Такое сегодня событие! Новоселье, как свадьба, раз в жизни бывает. Вот и давайте его отметим, чтоб запомнилось. Ведь ещё год-другой и разъедемся кто куда, опустеет наш дом. А ведь жалко, правда? Вот вам: Дима, Коля, Саша, разве не жалко покидать и дом, и двор, где все словно родные? Если бы вы знали, как мне вас не хватает!

Не дожидаясь ответа, Алька подняла стаканчик с самодельным вином: — А я бы и на край света поехала, лишь бы с друзьями, и чтобы интересно было.

А потом словно прорвало наш дом. Выходили ненадолго — не хотели смущать нас и

отслужившие в армии парни, и даже родители шутливо грозили: «Смотрите, не загуляйте, молодёжь», и их участие вселило в нас радостное и торжественное настроение, словно каждого из нас наградили медалью.

Мимо, устало шаркая ногами и с любопытством поглядывая на большую компанию, проходил бывший плотник домоуправления дядя Матвей — он и мастерил беседки и теннисный столик, а Димка был его неизменным помощником. Узнав в чём дело, зашёл в садик, поздравил и Димку, и братьев Фадеевых.

Выпил водки, сказал: «Дай Бог вам здоровья, молодёжь. И светлых лет и дней в жизни поболее, чем нам досталось». Подошёл и недавно переехавший вместе с сестрой и матерью в освободившуюся комнату мастер спорта по боксу Валентин Сазыкин. Он нисколько не кичился ни своим званием, ни титулом чемпиона России — обыкновенный общительный парень. Помимо бокса увлекался он живописью, потому уважительно относился к Женьке, который приглашал его на выставки и даже познакомил с некоторыми художниками.

В тот вечер возле старого теннисного столика многие побывали, и мы были неизмеримо горды тем, что собрали всех вместе, и каждый чувствовал, что живём мы в нашем доме словно одна большая и дружная семья.

Уже начали сгущаться сумерки, когда во двор вдруг зарулил

милицейский «ГАЗик», подъехал к калитке садика и из него вышел капитан, вслед за ним сержант, выразительно похлопывая по сапогам резиновой дубинкой, прозванной в народе «демократизатором», и даже водитель высунулся, демонстрируя готовность прийти на помощь, если потребуется. Мы догадались, что кто-то «капнул» и несколько не напугались, тем паче, что никто из нас не был даже «навеселе», — так, запах был, не более того. Внимательно осмотрев «место происшествия» и недоумённо покрутив головой, словно пытаюсь освободиться от воротника рубашки, стянутой форменным галстуком, уже не так воинственно капитан направился к нам, а навстречу — Колька Фадеев, как самый старший из виновников застолья. Спорхнула со скамейки и Ленка и тоже подалась к капитану, но с балкона второго этажа раздался баритон поэта Юрия Рябинина: «Командир, здесь всё в порядке. Я за ребят отвечаю, а меня, ты, наверное, знаешь». Капитан повернулся к балкону, поднял голову, а потом и руку, приветствуя Рябинина: не зная известного поэта он не мог, а фамильярное «ты» прозвучало совсем не оскорбительно, а по-свойски и на правах старшего. Но уже, грузно опираясь на бадик, к патрулю спешил секретарь горкома Иван Иванович Елизаров и, увидев его, капитан вытянулся в струнку, но

Елизаров и подходить не стал, а махнув рукой, дескать: «езжайте восвояси», повернул к дому.

В силу своего положения не мог же он любезно разговаривать с компанией выпивших молодых людей и сделал вид, что нас даже и не заметил. Капитан потянулся к «ГАЗику», но, улыбаясь во весь рот, путь ему преградил Колька, пояснил:

— У нас сегодня событие — переезжаем в другой дом, а дружили во-о-от с таких лет, — и опустил левую руку, отогнув ладонь в сторону. — А кто позволил, товарищ капитан? Карлюгин, Ермолаев? — и мы, все, кто слышал Колькины слова, засмеялись, догадываясь, что больше некому.

— Не знаю, — ответил капитан. — По радиации сообщили, мы и приехали. Но вы всё же после одиннадцати не шумите, не положено, — заключил он, потому как надо же было до конца исполнить свои служебные обязанности.

А сержант, увидев Ленку, во все потерял дар речи. Выйдя из машины, он оказался аккурат напротив меня, Женьки и Мишки «Моцарта», но на нас он и внимания не обратил: неодолимая сила крутила ему шею и он с немым восторгом смотрел на Ленку. Но сержант оказался очень волевым человеком: поняв, что выглядит в наших глазах смешно, он снял фуражку, стряхнул с неё несуществующую пыль и

опять водрузил на голову, почти полностью спрятав глаза.

— Значит, событие отмечаете, а драки никакой нет? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Ну и ладненько. И ещё раз, уже не прячась, с восхищением посмотрел на Ленку и нырнул в машину.

Теперь уж и мы невольно перевели на неё взгляды и посмотрели как бы со стороны, словно в первый раз, и поняли, что Ленка действительно ошеломляюще красива.

У неё была прекрасная спортивная фигура, светло-золотистые, с каким-то пепельным оттенком волосы, серо-синие, глубокие как омут глаза с немислимо длинными ресницами и прямой и тонкий, с едва заметной горбинкой нос, который придавал её лицу несколько надменное, холодное выражение. Недаром её называли снежной королевой. А вот Алька, хоть была и неказиста по сравнению с ней, но словно светилась вся, словно вокруг неё витало облако, излучающее тепло и успокоение.

Отъехал милицейский «ГАЗик» и тут же громко и злобно хлопнули створки окна на первом этаже, словно затвор карабина щёлкнули шпингалеты: клац! клац!, а мы, переглянувшись, улыбнулись: «Ермолаев».

Меж тем совсем уже сгустились сумерки, зажглись окна, от кустов акации легли густые длинные тени, и наступила

странная, какая-то колдовская тишина, не нарушаемая ни кем-то сказанным в квартире громким словом, ни расплывчатым, неясным гулом, доносившимся с улицы.

Мы перебрались в беседку, кому не хватило места, стали вокруг её и говорили совсем-совсем тихо, боясь потревожить покой дома и очарование вечера. На миг, ослепительно ярко загорались спички, когда кто-нибудь из нас закуривал, а вслед опять ложилась непроницаемая тень. С танцплощадки на бульваре едва-едва слышно доносилась музыка: духовой оркестр играл «Цветущий май» — любимую многими, задумчиво-ласковую мелодию. Воздух что ли в тот вечер был такой прозрачный и чистый, ведь до этого никогда музыка с бульвара слышна не была? Мы как-то разбились по двое-трое, переговаривались полущёпотом и вдруг, не сумев скрыть волнения, так проникновенно, что мы все замерли, заговорила Галка-маленькая:

— Ребята, послушайте, я ведь знаю, что некоторые из вас договорились обязательно встречаться каждые десять лет, чтобы не случилось. Давайте и мы будем помнить друг друга и хоть изредка встречаться. Господи, как я вас всех люблю — и Галя вдруг заплакала, совсем как ребёнок, закрыв лицо ладошками.

Большого секрета из нашей договорённости мы не делали,

но всё же я удивился: от кого Галка-то узнала о ней? Её стали успокаивать, но уже через минуту она смеялась:

— Это мне вина мало досталось, вот я и расстроилась.

Попробуй пойми их — девчонок.

Потом мы ещё долго стояли, обняв друг друга за плечи, и были счастливы, как никогда. В тот чудесный, тёплый и тихий осенний вечер мы свято верили, что будущее прекрасно и построить его предстоит нам; верили, что мы всё сможем преодолеть, всё пересилить, потому что мы молоды, любим жизнь и потому, что мы вместе.

Тогда мы ещё не знали, что многое в жизни сложится совсем не так, как думалось, что далеко не все мечты и чаяния сбываются, а добро отнюдь не всегда побеждает зло, не знали, что любовь может переродиться в ненависть, что души некоторых из нас покалечат, изломают быт, бедность, семейные неурядицы,

а то и предательство, казалось бы, самых близких людей. Но тогда мы всего этого ещё не знали и потому были счастливы, как никогда.

Расходились мы далеко за полночь, возле подъезда меня придержал Женька и с укоризной спросил:

— Олег, да ты слепой, что ли? Ведь Галка в тебя влюблена без памяти. Она и к Иринке-то приходит, чтобы тебя видеть. А ты ей и слова не сказал за весь вечер, вот она и расплакалась.

Наверное, я и правда был слепой — не видел, не замечал и не догадывался об этом. Щёки и губы мои пылали от прикосновений тёплых и нежных Ленкиных губ. Конечно, она догадывалась, что я давно в неё влюблён, но любимых так не целуют. Так на вокзале, на прощание целуют родных и близких людей. Словно и мы сегодня не только провожали друзей, но и прощались с детством, с нашим домом и с нашим двориком.